

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей САМАРОВ

УКРОЩЕНИЕ
ДЕМОНОВ

Сергей Васильевич Самаров
Укрощение демонов
Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6353632
Самаров С. В. Укрощение демонов : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67671-2

Аннотация

Во время жестоких стычек с боевиками эмира Рифатова федеральные войска несут тяжелые потери. Бойцы эмира неуловимы, невидимы, но всегда где-то рядом. Они устраивают диверсии, обстреливают колонны, берут солдат в плен и очень раздражают своим присутствием высшие военные чины. Наконец принято решение раз и навсегда покончить с бандитами. В Дагестан отправляется отряд спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Сергея Тицианова. Разведчикам удастся заманить боевиков в ловушку. Завязывается бой. И когда полная ликвидация боевиков кажется делом всего нескольких часов, на поле боя появляется многочисленный отряд вооруженных людей, по виду – профессиональных головорезов...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	19
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Самаров

Укрощение демонов

Пролог

– О чем думаешь, Аббас?

– Думаю? – не понял Аббас, о чем спрашивает эмир, и изумленно поднял сросшиеся над переносицей густые, как тропические джунгли, брови.

– Глаза аж закатил. Мечтаешь, что ли? О чем? – Такой говорил насмешливо и с издевкой. Он вообще любил так говорить со всеми. Такому казалось, что таким тоном он подчеркивает свою исключительность. А в собственной исключительности он сомнений не испытывал никогда, с самого детства. А уж сейчас тем более. То там слышишь, то там, как одного за другим федералы «достають» эмиров и амиров самого разного уровня и боевого умения. Даже самых значимых, кто многократно «отметился» в каких-то действиях. Одни ментов кучу положили, другие угнанную машину в городе взорвали и вместе с машиной много народа отправили на небеса. Он, Такой Рифатов, человек самой, наверное, мирной среди других полевых командиров профессии, бывший «коверный», то есть цирковой клоун, когда-то смешивший многих людей, остается уже много лет неуловимым, хотя неприятностей федералам доставил несравненно больше других, которых уже выследили и уничтожили. А его никак «достать» не могут. Разве это не исключительность? Разве не стоит этим гордиться?

Аббас не нашел, что ответить. Бойцы джамаата всегда теряются, когда эмир говорит с ними таким тоном.

– Что молчишь? – настаивал Такой.

– Шашлык хочется, – слюни глотая, мечтательно сказал вдруг Аббас. – На ребрышках... О том и думаю. Уже вторую неделю вспоминаю, как сам готовил.

Аббас – бывший ресторанный повар. Но в отряде уже есть свой повар, который раньше Аббаса пришел к Такому. И гражданская профессия бойца оказалась в горах невостребованной, как и гражданская профессия самого эмира Рифатова.

От такого ответа Такой чуть дар речи не потерял. Он хотел было что-то резкое и ехидное сказать, но подходящие слова из головы вдруг выветрились, а рот наполнился слюною. Эмир тоже представил себе предмет вожделений своего молодого бойца, и сам растерялся. В отряде уже вторую неделю ощущались перебои с продуктами питания. Весна началась, отряд вырос, а продукты запасали на старый численный состав. И мысли Аббаса были всем понятны, даже Такому. И ничего эмир не сказал, только отошел в сторону, продолжая проверку позиций, занятых участниками засады.

Всего в этот раз Такой вывел в засаду восьмерых, хотя имел возможность взять с собой втрое больше людей. Ему показалось, что восьмерых хватит, даже если учитывать ожидаемое количественное превосходство полицейского отряда. Не количеством побеждают, а неожиданностью действий и умением в неожиданный момент оказаться в нужном месте. В последнее время все федералы независимо от того, какие погоны и головные уборы они носят, взяли манеру спецназа ГРУ предотвращать засады на своем пути превентивными мерами. Так, теперь бронетранспортеры и боевые машины пехоты, въезжая в ущелье, в щепки расстреливают из пулеметов любые густые заросли по склонам и только потом продолжают путь. Если впереди камни, разбивают их из гранатометов. И несколько засад только за последний год было уничтожено таким образом. Засады погибали, не успев сделать ни единого выстрела, не успев взорвать выставленные на дороге фугасы. И большин-

ство полевых командиров вынужденно стали переносить засады в лесные массивы. Это было реальным и сильным средством в Чечне, где много лесов, но в Дагестане, где больше гор, такая тактика плохо работала. Лесные массивы не всегда и не непременно окружают дороги. Конечно, и через них временами проходят грунтовки, но ими федералы пользуются редко, предпочитая двигаться асфальтированными трассами, вокруг которых лес, как правило, бывает вырублен. В лес заходят пешком, развернутой цепью, и с автоматами наперевес. Занимаются прочесыванием. В горах же засады теперь устраивают только избранные, кто умеет это делать. Сложность здесь состоит в том, что засада на открытом месте – это всегда создание каких-то пусть простейших, но инженерных сооружений, которые хорошо маскируются, но которые потом приходится навсегда бросать, несмотря на то что в их создание вкладывалось много сил и даже средств. Доставить в горы хотя бы несколько мешков цемента – это уже проблема. Без него можно в тех же лесных массивах обходиться, используя стволы в качестве строительного материала и в качестве крепежа. А в горах леса для костров не хватает, и говорить о повсеместном использовании деревьев для строительства засад не приходится.

Эмир Такый Рифатов именно такую практику и применял. Он строил эти засады заранее, зная, что не слишком сложно вызывать на какое-то направление или федеральные силы, или местную полицию. Для проверки любого факта обычно выезжают небольшие силы – бронетранспортер или боевая машина пехоты для прикрытия и грузовик с солдатами или полицейскими. Идеальный отряд для уничтожения. Конечно, и два грузовика – это тоже по зубам хорошо подготовленной засаде. Если больше, уже сложнее. Но, чтобы больше выехало солдат или ментов, нужно и вызов сделать серьезный. И силы им противопоставить серьезные. Как-никак, в одном грузовике, как правило, размещается тридцать бойцов, то есть тридцать автоматных стволов, каждый из которых готов веером сеять вокруг себя пули. Что в этой ситуации важно? Важно, чтобы этим веером засаду не накрыло. А это значит, что следует сделать веер максимально дырявым, проредить его.

Недостаток своих засад эмир Рифатов сам хорошо знал. Такую засаду невозможно сразу оставить и переместиться в другое место, невозможно отступить, и потому уже дважды в практике джамаата бывали случаи, когда силы противника оказывались слишком велики, и Такый давал команду пропустить их, не атаковав. Лишний раз рисковать он не любил, предпочитая позже снова использовать те же сооружения, что были подготовлены конкретно для этой засады. Но сам он от мыслей о том, что мог бы вступить в бой, чувствовал себя сильнее. А как иначе, он только что держал в руках несколько десятков жизней. Но не пожелал их забирать. В этом, как считал сам эмир, было право сильного. Только сильный имеет возможность выбора. Сильный и физически, и морально. Какой-нибудь психопат не выдержал бы. И погубил бы и себя, и своих людей. Такый не допускал подобного и с собой в засаду, которой всегда лично командовал, брал только тех, на кого мог положиться.

Принцип устройства засады разработали два инженера из джамаата эмира Рифатова. Один местный, Шариф Магомедов, знающий, как в горах прокладывать шахты, второй немец, бывший старший солдат бундесвера, приехавший воевать в Дагестан в качестве специалиста по взрывным устройствам. Гюнтер Сомме в самом деле умел монтировать хорошие взрывные устройства. Ни разу «осечки» не случилось. Но шахты они прокладывали не собирались, как не собирались взрывать горы для прокладки проходов. Они просто в нужном ущелье искали склоны градусов под шестьдесят, копали в этом склоне вертикальный двухметровый окоп, укрепляли его так, чтобы засевшего в этом окопе бойца не заваляло осыпью, потом снизу копали грот, имеющий выход-щель наружу. Щель была только такого размера, чтобы можно было стрелять. Амбразура то есть. Если кто мимо проедет или пройдет, никогда не подумает, что этот склон представляет собой опасность. А если бой разгорится, только артиллерийский снаряд в состоянии пробить стену окопа и уничтожить

стрелка. Или пуля снайпера, угодившая в амбразуру. Такая подготовка засады требовала времени и труда. Но Рифатов рук своих бойцов не жалел. Все лето они трудились, чтобы потом можно было использовать «заготовки». А подвести федералов под засаду – что может быть проще? Лучше просто зайти в какое-то село и оттуда позвонить со стационарного телефона, можно просто с почты, и сообщить в райотдел, что в этом селе видели троих или четверых вооруженных людей. Реакция последует моментальная. Сразу же отправят бронетранспортер и грузовик с ментами. И уже несколько раз такое было. А можно и не звонить самим, а пустить ту же группу прогуляться по селу. В этом случае обязательно найдется какой-нибудь доброжелатель, и сам позвонит. Причем даже себя назовет, а то, что менты попадали в засаду, так это случайность. Четыре раза уловка со звонком срабатывала на все сто процентов. Дважды, помимо этих четырех случаев, менты выезжали слишком большим отрядом, чтобы их атаковать. Но они сами не понимали, что этим нарушают видимость системы в действиях Такия Рифатова. А если систему обнаружить не могли, то и реагировали на все новые звонки, как на первый. Главное, были бы в наличии соответствующие силы, потому что в районе силы полиции значительно убавились с тех пор, как здесь начал действовать отряд Такия. Впрочем, он для разнообразия работал на границе трех районов, и время от времени переходил из одного в другой – проводил операцию, а потом спокойно уходил в хорошо построенное убежище-базу. Ее тоже своими силами строили. Маленькая подземная база, крыша в которой выдержит разрыв мины, а по крыше речка бежит, и никто и не подумает о том, что окружающий ландшафтный дизайн – дело рук человеческих. Когда разыскивали отряд Рифатова, по крыше несколько раз проходили солдаты федеральных сил. Но маскировка была сделана настолько мастерски, что ни у кого подозрений не вызывала.

* * *

Проверив всех восьмерых своих бойцов и убедившись, что они готовы к бою, Такий забрался в свою самую верхнюю нору, откуда ему было далеко видно, и включил переговорное устройство для проверки связи. Связь была устойчивой. Да на таком расстоянии она и не могла быть плохой. Миниатюрные саудовско-аравийские переговорные устройства не прятались в карман, а крепились к воротнику. Такие же устройства использовались и в самой армии Саудовской Аравии. Правда, не во всей армии, а только в армейском спецназе. Хотя тоже пока еще в «пилотном режиме». В Аравии есть возможность только для проведения стационарных испытаний. А полевые испытания приборы проходили в Дагестане. Эмиру Рифатову устройства достались бесплатно, от него только требовалось написать отзыв об их работе в различных условиях. Свой первый отзыв он написал и отправил электронной почтой еще два года назад. Второй отзыв ушел к изготовителю год назад. Скоро предстоит писать третий. Единственное неудобство «переговорок» состояло в том, что для зарядки аккумуляторов приходилось обращаться к своим людям в каком-нибудь из сел района. Все остальное устраивало. Но если учесть, что постоянно переговорное устройство не использовалось, то энергии аккумулятора хватало надолго. А то, что устройства работали на частотах сотовой связи, эмира волновало мало. Ему это проблем не доставляло, поскольку радиус действия его устройств не шел в сравнение с радиусом действия сотовых телефонов, и помехи возникали редко. Лишь иной раз в связь вмешивался чей-то чужой разговор. Но стоило рывкнуть на говорящих, как разговор прекращался.

Теперь оставалось только ждать, потому что четверо бойцов его джамаата еще два часа назад уже прогулялись по нужному селу с оружием в руках, может быть, даже дали очередь в чье-то окно. В этом селе Рифатова не поддерживали. Но даже там, где поддерживают, обязательно найдутся такие типы, которые позвонят в райотдел полиции. А уж в этом селе таких типов непременно будет несколько. Да и участковый там настырный и глупый. Взбрело ему

в голову считать себя представителем власти. А власть у того, кто в данный момент автомат раньше поднимет. Это старая истина.

А полицейские уже должны были выехать больше часа назад. Значит, они, видимо, вошли в ущелье, и вот-вот их колонна приблизится к месту засады...

* * *

Возможности районного отдела полиции на данное время Такый знал хорошо. Большие силы поблизости не находились, а с теми, что были, он вполне мог справиться, имея только восемь бойцов и правильно организовав засаду. И ждать пришлось недолго – не больше десяти минут прошло, как послышались звуки тяжело гудящих двигателей.

Ущелье на ближайшем участке в полтора километра было извилистым, и развить более-менее приличную скорость машины не могли. Это всегда удобно бывает, когда скорость транспортного средства не мешает гранатометчикам прицеливаться.

– Всем внимание! – тихо сказал Рифатов в «переговорку». – Приготовиться и замереть... Аббас!

– Я на месте, эмир.

– Как думаешь, у ментов нет с собой барашка? Не захватили они для тебя? А то приготовил бы нам шашлык на ребрышках!

– Если есть, я им за этого барашка зубами горло порву, – пообещал Аббас. – Только откуда у них! Если бы на обратном пути их ждали, еще могли бы везти...

Из-за поворота показался бронетранспортер. Ехал он уверенно и грозно пошевеливал башней, угрожая округе пушкой со спаренным с ней пулеметом. Менты сидели на броне. Сейчас уже редко кто из федералов садится внутрь бронетранспортера или боевой машины пехоты. Знают, насколько это опасно. И, если есть возможность, предпочитают ехать на броне. Там, если начнут стрелять, подстрелят одного или двух. А в десантном отсеке бронетранспортера нашли бы себе могилу все. И динамическая защита не спасает от кумулятивной гранаты, выпущенной из РПГ-7.

Но эмир Рифатов давно уже обвел на фотографии бронетранспортера зоны обстрела, показал всем, и теперь каждый из бойцов засады знал, где сидит на броне именно его жертва. Такой расклад помогал добиться максимального успеха и не позволял многим стрелять одновременно в одного, а остальным позволить прыгнуть со взорванной машины и начать отстреливаться. Благодаря предусмотрительности эмира встречного огня можно было не опасаться.

Грузовик шел, чуть отстав на подъеме от бронетранспортера. Ветер трепал его плохо закрепленный по внешнему борту тент. Ситуация была знакомой, и встречаться с ней приходилось уже многократно. На подъеме традиционно грузовики отстают от бэтээров и БМП. И именно для разрешения этой ситуации один окоп с гранатометчиком был выставлен чуть дальше других. Специально для торопливого бэтэера.

– Гюнтер, работаешь по грузовику! – дал Такый команду.

– Яволь, герр эмир, – отозвался Гюнтер Сомме. – Быстрее бы... Мой есть замерзать.

Он плохо владел русским языком, но достаточно для того, чтобы общаться, слушать команды и слышать их. А иногда Гюнтер вставлял в свою речь простейшие немецкие слова, которые все уже в джамаате понимали.

– Скоро жарко будет. Особенно там, внизу... Не по погоде жарко, – пообещал Рифатов. – Весна в этом году поздняя, если вообще будет. А то, говорят, российский премьер уже не только над временем издевается. Он теперь решил весну отменить. Не слишком ли много власти на себя взял? В дела Аллаха вмешиваться не разрешается. Устроим жаркую весну всем, кто их правительство защищает!

– Яволь, герр эмир! – повторил Гюнтер. – Устроим жарко...

От слов немца веяло радостным вдохновением. Но Рифатов был уверен в своем сапере. Выдержки и хладнокровия Гюнтеру хватает, и взрывное устройство он активирует как раз в нужный момент. Более того, взрывать грузовики у Гюнтера всегда получается лучше, чем любую другую технику или бронетехнику. Заднее расположение двигателя в бронетранспортере, хотя сапер и знал, где двигатель располагается, почему-то мешало рассчитать время замыкания контактов взрывателя. А грузовики он всегда взрывал так, что у автомобиля вырывало тяжеленный двигатель и забрасывало его прямо через кабину в кузов, помогая действиям самих бойцов засады, занятых уничтожением живой силы в кузове. Для такого взрыва особый расчет нужен, а у Гюнтера это все легко получается и без осечек.

Полицейский транспорт приближался. Бронетранспортер после подъема сбросил скорость, позволяя грузовику сократить дистанцию, но все же не настолько, чтобы превратить грузовик и БТР практически в одну цель, и потому следовало работать по обеим целям отдельно. Но для этого эмир Такий Рифатов и распределял обязанности, каждому выделяя его зону действия, в которую входила и часть зоны соседа. Это позволяло не создавать плотность огня на одной точке, а равномерно распределять свою убийную силу и, как результат, приводило к успеху.

Выставленный рядом с обочиной желто-бурый камень служил отметиной. Именно от камня начиналась и пересекала дорогу мысленная критическая черта. Вообще-то эта черта может быть даже и не обязательно мысленной. В прошлом году Такий дважды применял иной подход к делу. Он проводил через дорогу черту краской. Тогда машины останавливались, и люди выходили, желая посмотреть, что эта черта означает. Когда они собирались толпой, следовал взрыв противопехотной осколочной мины, установленной на склоне. Обычно Такий использовал МОН-200. Вернее, не сам Такий, а Гюнтер выбрал именно эту мину с направленной зоной поражения. И наказывал федералов за любопытство. А потом, после взрыва МОН-200, следовал взрыв фугаса. Как правило, транспорт подъезжал так, что фугас оказывался под днищем или под колесами. Но сейчас, в зимних условиях, провести черту краской возможности не было. Дорога была покрыта снегом, и лишь слегка укатана колея. Впрочем, слегка – это все равно до асфальта. Да зимой и снег мешает. Слишком много следов подготовительной работы остается на снегу. Опытный взгляд это сразу заметит. А если не проводить черту, то транспорт полицейской колонны не сбросит скорость, и тогда следы остаются практически незамеченными. Но и зимой выставить МОН-200 было возможно и даже необходимо, только в этот раз менялась очередность взрыва. Первым начинал свою разрушительную работу фугас.

Бронетранспортер с нарисованным российским флагом на броне миновал черту. Эмир Такий привычным взглядом определил на броне командира. Это легко делается, если глаз наметан, несмотря на то что все федералы, и рядовые и офицеры, стремятся выглядеть одинаково, и для этого офицеры даже перестали пистолетные кобуры носить, пряча свои пистолеты или в карманы «разгрузки», или вообще попросту за ремень. Полицейский командир смотрел по сторонам, словно опасался засады. Был он уже не молод. По крайней мере, лет под сорок, не меньше, и был человеком крепкого телосложения. Такий отложил бинокль и опустил предохранитель автомата. Голова полицейского командира легла в прицельную планку, как раз под обрез «мушки». И больше эмир не отвлекался взглядом от цели. Командир на броне – это всегда его законная добыча. Бронетранспортер удалялся от засады, но приближался к окопу гранатометчика. И в этот момент сделал свое дело Гюнтер. Такий даже не посмотрел, насколько удачным был взрыв фугаса. У него была своя задача. И взрыв прозвучал как команда. Полицейский командир встал на броне и обернулся Такий перевел прицел и дал короткую очередь прямо в лицо. Полиция осталась без командира. А это уже была половина дела, половина успеха, потому что даже в слаженной команде кто-то должен отда-

вать приказы. Сейчас их отдать было уже некому. И тут же, сразу за фугасом, выстрелил гранатометчик. Его кумулятивная граната угодила бэтэру прямо в верхний скос лобовой брони, примерно посередине между двух люков. Менты среагировали, и, кого еще не достали пули бойцов засады, успели спрыгнуть с брони как раз в тот момент, когда сдетонировал боезапас, и внутри бронетранспортера раздался взрыв, вырвавший и распахнувший сразу все люки, часть которых и без того была открыта. Из машины повалил черный угарный дым. Но спрыгнувших, их, кажется, и осталось только четверо, сразу достали автоматные очереди. Дистанция для прицельной стрельбы в голову была идеальной. Трудно было промахнуться любому, кто умеет прижать к плечу приклад автомата и указательным пальцем надавить на спусковой крючок. С бэтэром и людьми в нем и на нем было покончено быстро и безоговорочно. Без шансов на спасение. Теперь можно было посмотреть и на грузовик, не имеющий пушек и пулеметов и потому безопасный.

Мысленная черта поперек дороги проводилась так, чтобы основная часть засады оказалась позади заднего борта. Грузовик взорвался правильно. Двигатель вместе с кабиной обрушился на кузов с ментами, но всех раздавить, конечно же, не мог. Тент позволял оставшимся в живых выпрыгивать из кузова только через задний борт. То есть как раз под обстрел. Но несколько человек все же умудрились выскочить и перекатиться за покореженный и дымящийся автомобиль. Это естественное стремление и, по сути дела, единственная возможность найти защиту от автоматных и пулеметных очередей, к тому же это единственная возможность оказать сопротивление. Менты хорошо знали, что им не будет пощады, даже если они сложат оружие. И потому они намеревались драться до конца.

Но эмир Рифатов и это всегда предусматривал:

– Гюнтер! Пора...

Гюнтер Сомме замкнул контакты второго взрывателя, теперь уже на mine МОН-200. Девятьсот шариков-осколков смели все живое перед собой. Полицейская колонна перестала существовать.

– Никого не задело? – спросил эмир.

– Порядок!

– Порядок! – поочередно доложили все восемь бойцов. Вопрос Такый был не праздным. Убойная сила осколков МОН-200 сохранялась в пределах двухсот сорока метров, то есть осколки прошивают все пространство ущелья поперек, от склона до склона. И такой осколок вполне мог бы залететь в щель окопа. И потому все знали, что когда звучит команда Гюнтеру, следует спрятаться и дожидаться взрыва мины...

* * *

Рифатов всегда осматривал поле боя первым. Остальные пока не покидали свои окопы и страховали своего эмира настороженными стволами, готовые стрелять в любой шевельнувшийся предмет или тело на дороге. Да, было так однажды, что сильный порыв ветра поднял полу расстегнутой куртки у убитого федерала. И тут же все стволы среагировали, хотя у каждого был собственный участок контроля. Но в тот раз движение уловил не кто-то один, а все. И все друг друга подстраховали. А в засаде в тот раз было шестнадцать бойцов. Шестнадцать очередей буквально разорвали на куски безжизненное тело. И потому Такый не сомневался, подстрахуют всегда, и он ничем не рискует, отправляясь на осмотр. Обычно осмотр сводился к тому, что Такый проверял карманы убитых, добивал раненых, если таковые были, забирал в общую казну своего отряда все деньги и все, что можно было продать, у старших офицеров забирал документы, которые когда-нибудь могли бы сгодиться. А потом уже бойцы проходили вслед за своим командиром, собирали оружие, если была такая необходимость, патроны и гранаты. Не оставляли без внимания сотовые телефоны,

чтобы пользоваться чужими какое-то время. За чужой счет не грех позвонить своим родным. Возможности наведываться домой бойцы не имели и потому вынуждены были общаться при помощи сотовой связи. Однажды отряд эмира Бексолтана Магометова из соседнего района пожаловал на чужую территорию и хотел взорвать вышку сотовой связи. Хорошо, что Такую вовремя об этом сообщили. Сотовая связь в районе была необходима и ему, и всем бойцам его отряда. Такый послал гонца к Бексолтану. Тот гонца застрелил и продолжил движение. Тогда Гюнтер заминировал подступы к вышке, а сам Такый выставил три засады по всем возможным направлениям движения залетных беспредельщиков. Бексолтан двинулся посредине. Нарвался на засаду, хотел уйти в сторону, потому что пулеметы отрезали ему путь к отступлению той же дорогой, какой он пришел, нарвался на вторую засаду, двинулся в другую сторону, третья засада нанесла ему большие потери кинжальным пулеметным огнем и оставила только один путь отступления – на минное поле. В живых никто из «залетных» не остался. Такый Рифатов сам застрелил Бексолтана, которому миной оторвало обе стопы. И сказал при этом только несколько фраз:

– Зря ты меня не послушал, Бексолтан. Вышка мне нужна. И уж совсем зря моего гонца застрелил. У него жена и четверо детей остались. Он им с базы постоянно звонил, говорил, как жить дальше. Как они теперь будут жить без этих советов? Я пошлю людей в твой дом. Теперь твоя жена будет кормить семью убитого...

– У меня дом небогатый, Клоун, там нечего взять, – сказал Бексолтан. – А за мою вдову брат постоит. И тебя он тоже достанет.

Автоматная очередь показала, что Такый не любит, когда его называют Клоуном, хотя все полевые командиры звали его именно так, и еще не любит, когда его обманывают. Не он один знал, что Бексолтан строит громадный дом в Бахрейне. И уже приготовил семью к отъезду. И сам намеревался вскоре присоединиться к семье.

Двоюродный брат Бексолтана, тоже известный эмир Магомед Магометов, был серьезным противником. Но в своем районе Такый никого не боялся и хотел чувствовать здесь себя хозяином. А эмир Магомед Магометов вообще обитал со своим джамаатом на грузинской границе. Он при всем желании не мог перебраться в соседний район. Его туда просто не пустили бы другие эмиры. Дел, чтобы всех прокормить, в районе и так не хватало. И с гибелью джамаата Бексолтана другим эмирам стало жить легче. Из-за границы, как известно, платят не за то, где кто-то отдыхает, а за то, где кто-то воюет.

Обещание свое Такый выполнил – послал в соседний район пару человек, которые от его имени пообещали, что как только жена убитого не получит от жены Бексолтана очередного перевода, Рифатов отправит людей, чтобы уничтожить всю семью убитого эмира. Они также сказали, что Такый в состоянии отправить людей в Бахрейн, если жена Бексолтана туда уедет. Переводы должны приходиться даже оттуда. У женщины не было причин не верить эмиру. Тем более что ему было несложно выполнить обещание хотя бы в Дагестане. Но, наверное, и в Бахрейне тоже.

Переводы приходят до сих пор уже в течение двух лет. С авторитетом Такия женщина, любящая своих детей, спорить не могла. Дети были ей дороже денег. Но не это было самым смешным. Эмир Такый долго смеялся на следующий день, когда прочитал в Интернете, что банда известного полевого командира Бексолтана Магометова была полностью уничтожена силами полицейского спецназа при попытке подорвать вышку сотовой связи.

* * *

Сейчас вопрос сводился не к вышке сотовой связи. Сейчас, когда была успешно проведена классическая боевая операция, разработанная эмиром, следовало еще заглянуть в село и

высказать претензии в виде нескольких автоматных очередей местному участковому и председателю сельсовета. Они давно уже это, по мнению эмира Рифатова, заслужили...

Глава первая

Рядовой Константин Варламов

Последняя тревога

Двое бандитов бежали, пригнувшись, а двое других залегли за камнями и стреляли без остановки длинными неприцельными очередями. Один – из автомата, другой – из ручного пулемета. Пулеметом можно было без проблем создавать необходимую плотность подавляющего огня. Так и получилось. Пули били в камни, за которыми сидели я, наш командир взвода старший лейтенант Тицианов, про которого комбат постоянно говорил, что это офицер с неприлично красивой для спецназа фамилией, и младший сержант Вася Скворечня. Камни были крупными и хорошо нас прикрывали, но нам не столько прикрытие было нужно, сколько возможность стрелять по перебегающим бандитам. Но пулемет нам этой возможности не давал. Автоматные же очереди лупили пулями по каменистому склону ущелья где-то выше. И на нас только сыпались каменные крошки. Тем не менее и одного пулемета пока хватало, чтобы не дать нам головы поднять и ответить встречным огнём.

Правда, старший лейтенант Тицианов, несмотря на свою неприлично красивую для спецназа фамилию, вполне прилично сделал два навесных выстрела из подствольного гранатомета. Первый в сторону перебегающих, второй в сторону камней выше по ущелью, где засели пулеметчик с автоматчиком. На пятнадцать секунд пулемет все же заглох. Мы уж надеялись, что выстрел оказался таким удачным, что дал нам возможность самим пострелять. Но надеждам оправдаться было не дано. Пулеметчик, видимо, просто сменил за эти секунды позицию на более закрытую, чтобы его не достали осколки. И едва мы высунулись из-за камней и попытались найти прицелами бегущих, как пулемет снова заговорил и заставил нас как можно быстрее пригнуться, чтобы уберечь головы. Следующий выстрел из подствольника вообще никакого результата не дал. Пулемет даже двухсекундной паузы не сделал.

– Из чего он стреляет? – удивился Тицианов. – У любого пулемета уже обязан был перегреться ствол. И звук какой-то непонятный. Не могу разобрать, что за пулемет.

Я только плечами пожал.

Но ствол, видимо, в самом деле перегрелся. Или просто время смены позиции подошло. А это значило, что первая пара бандитов добежала до хорошего укрытия и дала знак второй паре, что смена прикрывающего произошла. Пулемет замолчал, следом за ним замолчал и автомат, но едва мы приподнялись над камнями, как с другой позиции заговорил другой пулемет и другой автомат. Но здесь уже можно было определить по звуку, что стреляют ручной пулемет Калашникова и старенький АК-47. Хотя сейчас дистанция для стрельбы выросла более чем вдвое, пули по-прежнему долбили в наши камни и не давали нам открыть стрельбу по второй паре бандитов, которая только теперь начала перебежку в сторону первой пары. Так можно было и упустить их. А как не упустить, если стрелять невозможно?

Вася Скворечня по происхождению был из рода потомственных сибирских охотников-профессионалов, а это значит, что он человек одновременно и думающий, и быстро соображающий, каким манером одолеть противника.

– А им же не ахти как и видно нас... – решил вдруг младший сержант. – В левый крайний камень ни одна пуля не попала.

Это Вася заметил верно. Правда, за левым камнем никто из нас и не прятался, но бандиты этого знать не могли. Тем более нам было нетрудно переместиться под прикрытием других камней на три метра в сторону. Но, видимо, что-то бандитам закрывало обзор.

– Я гляну, товарищ старший лейтенант? – спросил Вася.

– Глянь, – согласился Тицианов.

Скворечня уже четвертый год служил контрактником и за это время приобрел такие навыки скрытно перемещаться, какими не каждый офицер спецназа обладает. Отбросившись на спину, Вася заработал лопатками и ногами, держа оружие перед грудью и задрал голову так, чтобы было видно, куда он ползет, и пополз так быстро, как обычный человек пешком ходит. И уже через несколько секунд, миновав несколько крупных камней, перевернулся лицом вниз, встал на четвереньки и выглянул из-за камня. Судя по тому, как долго он стоял, Скворечня не опасался стать мишенью – противник не видел его. Тогда Вася просто перебежал под большую скалу, там залег и пополз дальше. Вскоре нам он стал совсем не виден. Но мы услышали, как застучал его автомат. Он дал только четыре короткие и хлесткие очереди. А потом стрелять стали, видимо, в него. Чтобы поддержать Васю, мы с Тициановым тут же решили перехватить инициативу и уже своим огнем прижать стреляющих к камням. Но они и стрелять перестали, а нам вообще стало не видно, в кого стрелять-то. Ни первой пары бандитов, ни второй не просматривалось. Объяснил все Вася Скворечня, неожиданно оказавшийся уже рядом с нами:

– Вторую пару, товарищ старший лейтенант, я положил. А первая ушла, прячась за большими камнями. Будем догонять?

– Вперед! – скомандовал старший лейтенант.

Мы побежали. И быстро оказались рядом с двумя распростертыми телами убитых Васей бандитов. Скоро достигли и камней, за которыми пряталась первая пара. Россыпь стреляных гильз показывала их позицию. Но самих бандитов даже видно не было, и преследовать их сейчас было не просто опасно, но и бесполезно. Старший лейтенант долго не отнимал от глаз бинокль с тепловизором. Искал свечение биологически активного объекта над камнями. Но ничего найти не сумел. Бандиты как сквозь землю провалились. Значит, пора было возвращаться к отряду.

Разведка, в которую мы втроем ходили, прошла успешно. Осталось малое – собрать оружие и документы убитых. Тащить их с собой смысла не было, да и возможности тоже. Груз «двести» обычно не на себе отправляют.

– Что за штука такая странная? – сам себя спросил Тицианов, поднимая пулемет убитого бандита. – Впервые такой вижу.

Старший лейтенант осмотрелся, рядом не видно было стреляных гильз. С этого места пулеметчик не стрелял. Тогда Тицианов отсоединил дисковый магазин и посмотрел патроны:

– Пулеметными патронами стреляет. Значит, пистолет-пулемет. Но пистолет-пулемет сошек не имеет. И еще... Этот может с использованием ленты стрелять... Непонятно...

Тицианов размышлял, разговаривая сам с собой, и нас не спрашивал, но все же бросил на младшего сержанта Скворечню вопросительный взгляд.

– Не встречался с такими, товарищ старший лейтенант. Арабское оружие вроде бы знаю. Может, китайское?

– Маркировка российская... Не знаю. Не видел такого...

Положив оружие бандита на камень, Тицианов взял у нас документы убитых и сунул их в карман. Все в батальоне знали, что в том же кармане старший лейтенант носит в целлофановом пакете золоченый погон своего прапрадеда с императорским вензелем Александра Третьего. Предок старшего лейтенанта оставил в наследство потомкам свой капитанский мундир. И два брата Тициановы – оба офицера спецназа ГРУ, только служащие в разных бригадах, – разделили капитанские погоны между собой.

– Что в рюкзаках? – спросил старший лейтенант.

Рюкзаки мы с бандитов только что сняли.

– Не успели осмотреть.

– Так осмотрите!

Мы синхронными движениями раскрыли рюкзаки и вывалили их содержимое на землю. Пока я и командир взвода ковырялись в вещах убитых бандитов, младший сержант посматривал по сторонам.

Тицианов выбрал из двух куч только общую тетрадь, чтобы забрать с собой. Остальное, какое-то тряпье, консервные банки, хлеб в целлофановом пакете, сдвинул ногой в сторону, смешав две кучи в одну. Раскрыл тетрадь и стал смотреть. Я заглядывал на страницы сбоку. В тетради было много различных чертежей. Какие-то оборонительные сооружения с крышами в несколько накатов. Но подписи все были сделаны на незнакомом нам языке, с применением кириллицы, однако со множеством дополнительных знаков. Наверное, использовался один из дагестанских языков.

Записи и чертежи заканчивались в середине тетради.

– Что это такое? – сам себя спросил старший лейтенант.

Глянул и я:

– Снайперская винтовка.

– Это даже я понимаю. А что на ней установлено?

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант. Переводчик нужен.

Все подписи были на том же непонятном нам языке, а в дополнение было что-то написано на целую страницу затейливой арабской вязью.

– Разберемся... – Тицианов свернул общую тетрадь в тугую трубочку и сунул в карман «разгрузки». Хорошая это вещь – «разгрузка». Столько карманов...

* * *

Конечно, когда перед командировкой нам сообщили, что жить мы будем в палатках, буйной радости никто не выказал. И хотя тогда еще стояла теплая осень в полном своем ярком многоцветии, думали, естественно, уже о зиме, которая обещала все-таки быть. Зимой-то в палатках... Сразу представились непроходящие сопли под носом и холод. Мы тогда, из тех, кто в командировку был определен, в большинстве, пожалуй, по полгода отслужили и считали себя опытными спецназовцами. Ныть от нагрузок отучились, не много, но кое-что уже умели и могли бы, при необходимости, даже сырой землей питаться, запивая ее росой с травы. Это, естественно, образное выражение, но расхожее в спецназе ГРУ. Такими нас сразу обещали сделать наши командиры. Молодых солдат, конечно, тоже в командировку взяли, и особенно перед ними мы храбрились, показывали, что нам и палатки нипочем, и плевать на зиму. Все равно Северный Кавказ – это не Южный Урал, откуда я родом, и климат кавказский подходит даже для палаточного проживания. Но вот уже полгода прошло в этой командировке, и зима, судя по календарю, кончилась, и никто не простыл и не схлопотал пневмонию. Но все, кому весной предстояло отправляться домой, завели «дембельские календари», где каждый вечер красным фломастером вычеркивали обозначение очередного прошедшего дня. И каждый знал, сколько дней ему якобы еще предстоит служить. Конечно, приблизительно, потому что домой солдаты едут по приказу командира бригады, а не по Указу президента, который лишь обозначает срок – «от» и «до». Но, в любом случае, думалось, что считать нужно до дня Указа, то есть традиционно до первого апреля, до «дня дурака», как его зовут в народе. Но кому-то, может быть большинству, придется ждать до пятнадцатого июля. Это последний срок весеннего призыва и увольнения. Изредка бывают задержки, но каждый считал, что его-то лично задержка не коснется.

Домой хотелось...

Но домой мы тоже должны были отправляться не из командировки. Оставалось еще полтора дня до того, как прибудет нам на смену следующий отряд нашей бригады. Потому и палатки не снимали, к которым привыкли, как к казарме. В действительности в палатках было не так и холодно, если в металлическую печку вовремя подбрасывать очередную порцию угля.

По тревоге нас подняли, как раз когда ждали прибытия сменного отряда и были готовы передать ему все свое уже обжитое за полгода хозяйство. Рассчитывали, что одну ночь придется провести в тесноте, а потом нас должны были отвезти на ближайший военный аэродром, чтобы отправить назад. Настроение было, что называется, чемоданное. И потому тревога, каких за время командировки было немало, показалась особенно нудной и несвоевременной. Тем более что подняли только нашу вторую роту, а первая продолжала готовиться к приему смены.

Наш командир взвода старший лейтенант Тицианов был человеком хорошим и с солдатами общался не только посредством команд. Кто-то задал старлею вопрос при посадке в машину, и Тицианов объяснил, что большая банда провела наглую террористическую акцию, хотя я лично не представляю, как террористическая акция может быть скромной. Тем не менее было совершено нападение на полицейскую колонну. Уничтожен бронетранспортер и грузовик вместе со всеми полицейскими, выехавшими по вызову в дальнее горное село, чтобы блокировать, может быть, этих самых бандитов или их товарищей. После уничтожения полицейской колонны банда и на само село напала. Безжалостно и жестоко убиты участковый полицейский и председатель сельсовета вместе со всей семьей. Банду требуется найти и уничтожить.

Рота у нас большая – восемь взводов, почти вдвое больше, чем первая, которая насчитывает пять неполных взводов. Но первая обычно считается более сильной, потому что там служат в основном контрактники. Однако в данном случае требовалось выставить оцепление на большой площади, а для этого необходимо не столько профессиональное умение, сколько количество стволов. Может быть, потому нас и подняли, а их оставили. Но если дело затянется, могут и первую роту привлечь, и две другие роты, чье прибытие ожидается. Мы тоже, когда прибыли, не успели еще заехать в свой городок, где предстояло поставить палатки, как машины развернули по чьему-то приказу в обратную сторону. Только повезли нас не в аэропорт, а мимо него, в лесной массив. Тогда троих полицейских расстреляли в машине. И мы вышли на прочесывание леса. Там же и спецназ ФСБ работал, и полицейский спецназ, но у них и уровень спецподготовки на порядок ниже, и не было на вооружении тепловизоров. У нас же в каждом взводе имелось по биноклю с тепловизором. Причем в обеих ротах. Это комбат расстарался еще, как говорили, пару лет назад. Был захвачен бандитский груз. Бандиты уничтожены, а груз после досмотра декларировать не стали и реквизировали его на нужды бригады. Этот груз позволил вооружить биноклями с тепловизором три с половиной роты батальона. Бинокли доставались, естественно, не солдатам, а только командирам взводов, но и этого хватило. Мы все знали, что такой бинокль стоит, как три хороших автомобиля, произведенных отечественным автопромом. Хотя хороших автомобилей в России, как я слышал, вообще не производится. Эти-то тепловизоры и помогли нам в той первой операции, поскольку мы прибыли на место, когда уже начало смеркаться. Тогда комбат, отказавшись от помощи спецназа ФСБ и полицейского спецназа, выставил засаду на выходе из лесного массива. Участие посторонних сил в засаде не вдохновляло комбата по простой причине – он боялся, что, стреляя по бандитам, которые должны оказаться между двух линий огня, чужие спецназовцы могли попасть и в наших поисковиков, среди которых, кстати, был и я. А засада состояла только из самых опытных контрактников первой роты.

Мы продвигались, не торопясь, с трех сторон одновременно, поддерживая связь между всеми группами. Командиры взводов просматривали территорию впереди, если не обнару-

живали противника, двигались дальше. Бандитов нашли уже в середине леса. Не мы первые. Сначала началась стрельба с правого фланга. А потом кто-то вышел и на наш участок. Тогда Тицианов нашел бандитов благодаря своему тепловизору, связался с другими группами во избежание попадания под очереди своих, убедился, что впереди именно бандиты, и дал посмотреть в бинокль пулеметчику, чтобы определить сектор обстрела, а пулеметчик уже стал поливать противника трассирующими пулями. Направление было показано, вся группа подключилась к обстрелу, а Тицианов только наблюдал за уничтожением противника. Лишь незначительная часть бандитов смогла уйти за пригорок как раз в ту сторону, куда мы их и гнали. Туда же выгнал своего противника и правый фланг. Засада завершила дело.

Но когда подсчитали убитых, командир спецназа ФСБ заявил, что не хватает двоих. И мы снова двинулись на прочесывание леса. И снова помог тепловизор. Эмир бандитов вместе с одним из своих ближайших людей сидел в глубокой яме, прикрытой плетеной из ветвей крышкой, а поверху был уложен дерн. По этой крышке можно было пройти и не понять, что твои каблуки роняют грязь на чью-то лысину. Маскироваться бандиты научились превосходно. Но вот скрыть тепло своих тел не могли. Тепло исходило из ямы, и соседний с нами взвод обнаружил их. Бандитов, даже не предложив им сдаться, расстреляли из десятка стволов прямо через настил и не дали им никакой возможности ответить встречной очередью.

Та, самая первая для нас, боевая операция запомнилась всем. Была она не слишком сложной, и тогда показалось, что и дальше все будет так же удачно и легко только потому, что мы называемся так – спецназ ГРУ. В действительности далеко не каждая боевая тревога заканчивалась уничтожением бандитов. Был долгий и порой безрезультатный поиск, бывало преследование, но не всегда удачное, потому что прятаться и убегать бандиты умели лучше, чем воевать, особенно если прятались они в своих селах. Тогда была единственная возможность определить бандита по синякам на плече или на бицепсе – эти следы остаются от приклада автомата при отдаче. Но, даже имея такие следы, попробуй докажи, что человек этот бандит, когда он говорит, что пьяный из кабины трактора выбирался и упал. А потом жена его пинками до дома гнала. А жена это подтверждает. А автомат он выбросил или спрятал где-то вдали от дома. И у нас даже прав не было на задержание такого человека. Хотя мы сами на себе все до единого можем показать аналогичные синяки. И ни одна экспертиза не возьмется утверждать стопроцентно, что это следствие отдачи приклада автомата. Таких бандитов, разведя руками, передавали ментам, те ставили их на учет и, как говорили, под особый контроль.

И последний выезд не был чем-то из ряда вон выходящим. Мы собирались только выполнить свою задачу и были готовы к тому, что события могут для нас сложиться и удачно, и неудачно. Но мысли все равно были уже там, где-то рядом с вокзалом, в ожидании поезда, который повезет домой. Но трудно бывает сосредоточиться на деле, если мысли отвлечены на мечтания. И приходилось себя заставлять на время забыть про поезд...

* * *

Наш комбат подполковник Рябухин сидел на складной скамеечке рядом с радистом, который развернул на камне свои системы связи. Я никогда не завидовал радистам. Хотя служба у них не в пример легче, чем у любого рядового линейного взвода, но на любых занятиях, на учениях или даже в боевой обстановке плечи радиста обязательно украшает тяжеленный спецрюкзак с аппаратурой. Сами радисты, как правило, парни не слишком крепкие. Не гоняют их так, как других солдат, ежедневно до такой степени, когда ноги гудят, как телеграфные столбы. Но таскать аппаратуру им все равно приходится. Иного, посмотришь, спецрюкзак сгибает и придавливает к земле носом.

Когда мы подошли, радист только плечами пошевеливал, разминая их после того, как освободился от тяжести, но руками работал еще неуверенно. А комбат торопил. Ему срочно нужна была связь с антитеррористическим комитетом.

– Что так долго, Тицианов? – недовольно спросил комбат. – Вторая разведка вернулась уже полчаса назад.

Никто не сказал нам, в какую сторону по ущелью ушла от села банда. Могла вниз уйти, могла вверх. И потому разведку отправляли в обе стороны.

– Нашли четверых бандитов, товарищ подполковник, – козырнул, уже докладывая, старший лейтенант. – Приняли бой. Двоих уничтожили. Двое как сквозь землю провалились. Даже тепловизор их не обнаружил.

– Это хорошо, – сказал Рябухин и посмотрел на меня со Скворечней.

У меня в руках был трофейный АК-74, у Скворечни – пулемет, показавшийся старшему лейтенанту Тицианову странным.

– Это что за металлолом принесли?

Подполковник смотрел на руки младшего сержанта, и Скворечня, шагнув вперед, протянул Рябухину ручной пулемет. Тот взял оружие, присмотрелся, сощутив глаза. Я давно заметил, что подполковник часто щурится, когда пристально что-то рассматривает. Значит, зрение у него не самое лучшее. Но очки он не носит. Я вообще ни разу не видел офицера спецназа ГРУ, носящего очки. Разве что солнцезащитные.

– Давненько такого не встречал. Где они его откопали? Я уж думал, их все под пресс пустили. Их же, кажется, еще в Отечественную выпускали. Да и то в качестве экспериментальных. На вооружение, не знаю, принимали или нет.

– Пистолетный патрон, товарищ подполковник, – подсказал старший лейтенант Тицианов. – А что это за оружие? Я вообще определить не смог.

– Такой не в каждом музее найдется. Пулемет «ЛАД». Не помню сейчас всех конструкторов. Знаю лишь фамилию первого – Лютый. Название – аббревиатура из первых букв фамилий конструкторов. Отличался тем, что ствол у него почему-то не греется, как у других.

– То-то он стрелял не переставая, не давал нам голову над камнями поднять, – признался Тицианов. – Грамотно прикрывал отход других. Но другие, как он, не смогли.

– Как дело было? Докладывай. – Подполковник развернул карту. – Где их встретили?

Старший лейтенант наклонился и показал пальцем:

– Вот здесь, двенадцать километров вверх по ущелью, сразу за поворотом. Навстречу нам шли. Вооружение – два пулемета и два автомата...

– Второй пулемет какой? – спросил подполковник Рябухин.

– Ручник, «калаш». Второй автомат АК-47. Они первыми отходили. Бандиты отходили, то есть их прикрывали с АК-74 и пулеметом «ЛАД». А потом, когда первая пара заняла позицию, начала отходить вторая. Но первые не смогли прикрыть их отход. Там «мертвая зона» для прострела образовалась. Младший сержант Скворечня за скалу выполз незамеченным и обоих бегунцов снял. Первая пара сразу стала отходить дальше. Там все ущелье усыпано крупными камнями. Сплошной лабиринт. Но они куда-то пропали. Я через тепловизор смотрел. Свечения не было. Может, где-то пещера есть. Не знаю. Организовать дальнейшее преследование малыми силами я посчитал нецелесообразным – могли выйти на всю банду. И мы поспешили назад, чтобы доложить.

– И хорошо, что поспешили, – согласился Рябухин. – Скворечня, говоришь, двоих снял?

– Так точно, товарищ подполковник. Младший сержант Скворечня.

– Молодец, Вася. Готовь грудь под медаль. По возвращении с операции сразу представление напишу. Обещаю.

Поговаривали, что комбат всех солдат знает по имени. Я сомневался, потому что меня он никогда не то что по имени, даже по фамилии не назвал. И думаю, что моя фамилия ему вряд ли известна. Но как зовут Скворечню, он, оказывается, знает.

– Когда Скворечня переползал на позицию, рядовой Варламов вызывал огонь противника на себя, – добавил старший лейтенант, хотя он отлично знал, что я только несколько раз пытался посмотреть на беглецов, а вовсе не отвлекал на себя огонь бандитов. Но опровергать слова командира я не стал. Начальству виднее заслуги подчиненных.

– Костя, кажется... – Комбат показал, что и мое имя знает, чем удивил меня даже больше, чем перед этим удивил старший лейтенант.

– Так точно, товарищ подполковник, – ответил я, вытягиваясь в струнку.

– Молодец, Костя. Тоже с медалью домой поедешь! Готовишься?

Я слегка растерялся, не соображая, что по уставу в таком случае говорить следует. Но мне был задан прямой вопрос, и на него можно было отвечать без устава:

– Так точно, товарищ подполковник. Готовлюсь.

– А мы останемся... – зачем-то сказал подполковник, нахмурился, думая о чем-то своем, и обернулся к сержанту-радисту:

– Максимов!

– Я, товарищ подполковник.

– Долго еще возиться будешь?

– Уже настроился. Вызываю. Как только ответят, сообщу.

– Отдыхайте, – махнул комбат нам. – Хорошо потрудились, спецназовцы, несмотря на фамилию своего командира. Хорошо и отдыхайте, пока противник позволяет отдохнуть.

Перед уходом Тицианов, вспомнив, передал подполковнику общую тетрадь из рюкзака бандита.

– Что это? – спросил Рябухин.

– Какие-то чертежи. Все записи сделаны или на дагестанском, или на арабском. Переводчик нужен. Сами не разберемся. Информация, судя по всему, не оперативного характера. Но сгодиться может. Там чертежи фортификационных сооружений или бандитских баз.

– Разберемся, – сказал подполковник точно так же, как недавно говорил нам старший лейтенант...

Глава вторая

Старший лейтенант Сергей Тицианов

Поиск, и снова поиск

Я вообще-то за себя могу сказать категорично, что я человек с раннего детства дисциплинированный и субординацию всегда соблюдаю. Так меня, помню, строгий отец приучил, офицер, а его – его отец, мой дед, тоже офицер, у которого в крови было уважение к армейским порядкам, потому что все наши предки по мужской линии, которые вспоминались родителями и дедами, служили в армии и воевали за Отечество. И ко мне это отношение к порядку через кровь перешло уже устоявшимся понятием, не подлежащим сомнению – на уровне условного рефлекса. Тем не менее не люблю, когда мою фамилию начинают обсуждать, а иной раз, грубо говоря, ею почти терроризируют. По крайней мере, мне лично это казалось унижительным, и я от подобных действий уставал. Но старший по званию всегда старший по званию, тем более прямой и непосредственный командир. И высказывания нашего комбата насчет моей якобы неприлично красивой для спецназа фамилии чем-то напоминают хамство сильного против того, кто не имеет возможности ответить. Это как-то совсем, мне кажется, неблагородно. Тем более для офицера, который, по моему понятию, обязан хранить и уважать не только свою честь, но и честь всех других, с кем ему приходится так или иначе соприкасаться.

Но вообще-то у нас комбат – человек вполне приличный, даже если не брать во внимание его профессиональную подготовку. И даже несмотря на его заскоки, я всегда отношусь к нему с уважением. Я сам офицер и не могу не заметить, как быстро подполковник Рябухин принимает решения в боевой обстановке, и эти решения всегда бывают интуитивно правильными. Не классическими, согласованными с общепонятными правилами, а именно интуитивными. Виктор Евгеньевич человек в армии не случайный, тоже не в первом поколении офицер, и принадлежность к офицерской касте, вместе с опытом спецназовца, позволяют ему не просто просчитывать, а прочувствовать те решения, которые он принимает, и действовать, сообразуясь с обстановкой. А это дано далеко не всем. Даже мне уже доводилось встречаться с высшим командованием, обладающим иконостасом наград разного уровня, но отдающим ненужные и даже вредные приказы. Неправильные приказы. Рябухин не из таких.

Я не слышал, о чем разговаривал комбат с кем-то в антитеррористическом комитете. Но новые данные он, видимо, получил. А если и не получил, что тоже возможно, то решил самостоятельно продолжать поиск пропавшей банды. Тем более мы своей разведкой дали ему повод определить примерное направление этого поиска. И не успел я вместе с солдатами своего взвода расположиться на отдых, как последовала команда к подъему. Началось выдвижение.

– Тицианов!

– Я, товарищ подполковник.

– Со своим взводом – в передовой дозор. Идем на то самое место. Показывай!

Взвод у меня, как, впрочем, и любой взвод спецназа ГРУ, легок на подъем. Просто встали и пошли. Вперед я выдвинулся сам, взяв с собой двух пулеметчиков, готовых подавить огнем противника в случае непредвиденной встречи. Вообще-то пулеметчиков выдвигают вперед обычно при передвижении по лесу и в условиях с ограниченной видимостью. Один пулеметчик в состоянии подавить несколько автоматчиков и этим дать возможность другим бойцам подготовиться к бою и правильно оценить обстановку. Но в этот раз я выставил пулеметчиков потому, что противник был где-то рядом, и в то же время было неизвестно, где он.

Следом за нами на дистанции трех метров подполковник пустил старшего сержанта с радиопульта, но это был не радист, а какой-то специалист с рюкзаком, из которого торчали над его головой четыре мощные, в палец толщиной, антенны. На голову сержанта были надеты большие армейские наушники с резиновой окантовкой, уменьшающей доступ посторонних звуков. Конечно, выстрел вблизи можно и в этих наушниках услышать. А вот автоматную очередь с дистанции не услышишь. И потому наушники в боевой обстановке опасны.

Я не знал, что это за техника за плечами старшего сержанта, но подсказал младший сержант Скворечня, который слышал отдельные распоряжения комбата:

– Система подавления сотовой связи и радиосигнала. Чтобы бандитские группы между собой общаться не могли.

Так мы и шли... Путь был не из самых легких. Все дно ущелья было завалено камнями, размером с коровью голову. И шагать приходилось с камня на камень. При этом я хорошо понимал, как под такой камень легко подложить взрывное устройство. Ставится устойчивый взрыватель нажимного действия. Устойчивым он считается потому, что способен выдержать определенный вес. Вес того же камня и плюс к тому еще что-то. Например, собака или овца наступят на камень, взрыва не будет. А кто-то более тяжелый, например человек, то он будет долго лететь наперегонки с тем самым камнем. Поэтому я сразу рекомендовал своим солдатам ступать только на те камни, которые вросли в землю, и которые никто не поднимал. Хотя замаскировать камень под нетронутый бандиты тоже могут. В средствах маскировки они приобрели хорошие навыки.

Ходить по камням – хорошего мало. Хуже бывает разве что в метель по свежему глубокому снегу. Тогда ноги сильно устают. Здесь неудобство в другом. Здесь нужно постоянно смотреть под ноги. Но боевая обстановка требует смотреть не под ноги, а вперед и по сторонам. И приходится совмещать и то, и другое.

После восьми километров я заметил, что старший сержант с «глушилкой» в рюкзаке начал отставать. Вообще-то удивляться этому не следует, потому что все технические специалисты не проходят той боевой и общефизической подготовки, что простые солдаты, хотя занятия и с ними проводятся, но не настолько интенсивные.

– Тяжело тащить? – спросил я, кивнув на рюкзак за плечами старшего сержанта.

– Все-таки сорок килограммов лишних, – оправдываясь, ответил старший сержант.

Мой вопрос он едва ли слышал, но оправдывался за свое наметившееся отставание.

– Варламов! – позвал я.

Костя Варламов парень крепкий и выносливый. Зря, что ли, с раннего детства лыжным спортом занимался. Там, где у других второе дыхание открывается, у Кости первое еще наполовину не израсходовано. Умеет он терпеть, а это в спецназе очень важно.

– Я! – отозвался рядовой и в несколько прыжков с камня на камень оказался рядом.

– Помоги специалисту темп поддержать. Рюкзак – сорок «кэгэ». Поднеси несколько «кэмэ» до места. Сдюжишь?

– Нет проблем, товарищ старший лейтенант.

Варламов, после того как я похвалил его комбату, словно окрыленным себя почувствовал. Впрочем, это любому, наверное, приятно, когда его отмечают. А тут я по делу отметил. Я давно к Константину присматриваюсь и хочу его уговорить остаться на службу по контракту. Мне такие бойцы во взводе нужны.

Старший сержант противиться не стал. Рюкзак на ходу перекочевал с одних плеч на другие, хотя наушники специалист оставил на своей голове. Видимо, что-то важное слушал, что не мог доверить Варламову. Но уже через два километра старший сержант остановился и поднял руку.

– Внимание! – сказал я пулеметчикам. – Ждём! Контролировать ситуацию.

Специалист зашел за спину Константину, расстегнул на рюкзаке замок «молнию» и открыл какие-то индикаторы.

– Что там? – спросил я.

– Зафиксирована уже третья попытка пробиться через нас с помощью сотового сигнала. Все за последние сто метров. Судя по приборам, работает абонент «Мегафона».

– И что говорят? – поинтересовался я.

– Понятия не имею. У меня же не подслушивающая аппаратура. У меня глушитель сигналов сотовой связи. Не только сотовой, но тех диапазонов, на которых работает сотовая и спутниковая телефонная связь, всех систем связи. А подслушать я не могу. Аппаратура не позволяет.

– На какой дистанции глушится сигнал? – спросил Варламов.

– До двух километров.

Костя посмотрел на меня.

– Два километра осталось до места, товарищ старший лейтенант, – объяснил он мне свой вопрос. Впрочем, я и без него понял, что он хотел сказать.

– Есть там кто-то... Соблюдаем осторожность.

Заметив, что мы остановились, нас стал догонять комбат. Догнал быстро, прыгая с камня на камень. Я начал докладывать еще до того, как подполковник остановился. Объяснил ситуацию.

– Как, говоришь, твоя станция называется? – спросил он старшего сержанта.

– «Скорпион Брэк», товарищ подполковник.

– Вот-вот... Скорпионы, кажется, как все гады, под землей живут?

Рябухин посмотрел на меня, словно требовал объяснения.

– Мне кажется, товарищ подполковник, они не гады, – возразил я. – Они вроде бы паукообразные. И живут не под землей, а под камнями, в расщелинах скал.

– Все равно, – упрямо сказал Рябухин. – Наш «Скорпион» своих чувствует. Бандиты где-то под землей прячутся. И в пределах двух километров. Три звонка, говоришь, было?

– Так точно, товарищ подполковник, – бодро, словно совсем не устал, доложил старший сержант. – Три звонка с разных номеров.

– А номера ты тоже можешь высчитывать?

– Нет. Просто частота в работе у разных мобильных слегка отличается. Прибор это фиксирует.

– Понял. Звонки издалеку сюда или отсюда? Это твоя техника фиксирует?

– Никак нет, товарищ подполковник. Это не фиксируется.

– Жалко. Тицианов!

– Я, товарищ подполковник, – отозвался я из-за спины комбата.

Он резко повернулся ко мне:

– Разверни взвод в одну шеренгу. Впереди сам с пулеметчиками и со своей разведкой. Я с вами. Остальные – ищут. Должен быть лаз в подземелье. Мне сказали, несколько лет назад Рифатов закупал в больших количествах цемент. Что-то строил. Не сам, конечно, закупал, но через людей, которые предположительно были с ним связаны. Вот и построил себе бункер. Ищем! Ищем! Васильев!

– Я, товарищ подполковник, – подскочил к нам капитан Васильев, командир нашей роты.

– Слышал, как мы разворачиваемся?

– Так точно, слышал.

– Точно так же всю роту разворачивай. Прочесываем два километра, но осматриваем каждый квадратный сантиметр земли. Плотно работаем. Настрой людей! Поехали!

Я отдал команду взводу. За моей спиной капитан Васильев отдавал команду другим командирам взводов, хотя подполковник Рябухин говорил громко, и все прекрасно слышали. Одного взвода для тщательного осмотра всей ширины ущелья было маловато. И между моими солдатами оставалось пространство, которое должны были исследовать идущие следом. Потому капитан Васильев распределил силы так, чтобы два взвода занимали ущелье в ширину, оставив моему взводу ту задачу, которую изначально нам и определил комбат – что-то вроде боевого охранения...

* * *

Как комбат и приказал, я пустил вперед пулеметчиков и вызвал к себе младшего сержанта Скворечню. Рядовой Варламов уже был здесь. Мы выдвинулись в пяти метрах позади пулеметчиков. Комбат занял позицию рядом с нами. Варламов вернул старшему сержанту его рюкзак, поскольку получил другое задание. Старший сержант с неохотой впрягся в лямки. Одни наушники ему таскать было намного легче.

Темп передвижения замедлился. Все внимательно смотрели, в том числе и мы, идущие в авангарде. Смотрели не только под ноги, но и вперед, и по сторонам. Я носом чувствовал, что бандиты должны быть где-то рядом. Но пока видно их не было. Несколько раз я подносил к глазам бинокль с включенным тепловизором. Но он излучения поймать не мог. Честно говоря, я на эту технику надеялся.

– Здесь гильзы, – сказал один из пулеметчиков. – Стреляные...

Подполковник посмотрел на меня, словно требовал объяснения.

– С этого места мы открыли по бандитам огонь. Они перебежали за те красные камни. Вон, впереди, чуть левее центральной линии. Остальное я рассказывал. Наша позиция тоже была слева. За черными камнями.

– Зеленые камни вижу, – заметил комбат. – Они для бруствера годятся. А где черные?

– Камни черные. На них, товарищ подполковник, мох зеленый, – объяснил младший сержант Скворечня. – Зелень только издали видна.

Двинулись дальше.

– Стоп! – сказал я через пятьдесят метров и посмотрел поочередно на Варламова и на Скворечню. Они плечами пожали, понимая мой немой вопрос.

– Что случилось? – спросил комбат.

– Здесь убитые лежали. Один от другого в трех метрах, – объяснил я. – А вон та куча... Это содержимое их рюкзаков.

Я подошел и пошевелил кучу тряпья ногой:

– Тела унесли. И здесь порылись. Забрали банки с консервами и хлеб. Похоже, у них в банде наступили голодные времена.

– Похоже, – согласился комбат. – Они разграбили в селе магазин и продавца избили до полусмерти. Или, кажется, самого хозяина магазина. Унесли только продукты питания. Потом в одном из дворов двух баранов забрали. Хозяину-старiku прикладом в лоб ударили, чтобы слова против не сказал. Он только вышел, возмутиться хотел, но не успел. Сразу – прикладом. Потом в другом дворе завели трактор, двое в кабину сели, остальные семеро в прицеп и поехали в соседнее село. Там тоже магазин разграбили. И тоже забрали только продукты. Вывод прост – со снабжением у них туговато. На довольствие эмира Такыя Рифатова никто ставить не желает.

– Одно радует, – заметил я. – Что они трупы забрали.

– Жрать будут... – категорично-утверждающе пошутил рядовой Варламов. – Только бандиты уж очень худосочные были. Надолго таких не хватит.

Комбат недовольно глянул на шутника:

– Если забрали, значит, база их где-то рядом. Далеко они тащить бы не стали. Здесь закопали бы, как обычно бывает. А то и закапывать не стали бы. Это тоже сплошь и рядом случается. Я так полагаю. Что скажешь, Костя?

Варламов поднял на самый лоб брови, удивляясь, что подполковник спрашивает у него:

– Если вы мне, товарищ подполковник, сообщите, чем отличается охламон от Тутанхамона, я, может быть, соображу, что ответить. А так буду на ваше мнение полагаться.

Честно говоря, я не умел так разговаривать со старшими по званию, хотя иногда, наверное, следовало бы. Надо учиться у рядового.

Подполковник хмыкнул себе под нос и отвернулся, чтобы посмотреть, как рота ведет поиск. Он, наверное, слишком мало знал про Тутанхамона, чтобы продолжить беседу с солдатом. Я, впрочем, тоже мало что знаю об этой мумии...

* * *

Обычно радуешься, когда что-нибудь найдешь. А здесь мы вынуждены были радоваться оттого, что не нашли. Не нашли убитых бандитов, но это уже само по себе говорило, что мы имеем возможность отыскать всю их базу. И искали. Искали на совесть, и при этом большой палец правой руки у каждого лежал строго на предохранителе автомата, готовый нажать, чтобы сразу вести стрельбу. Патрон у каждого был уже в патроннике. Это закон при выходе на боевую операцию: прежде чем сделать первый шаг, передерни затвор автомата и поставь оружие на предохранитель. Но будь готов в любой момент предохранитель опустить. Читал я где-то, что американский спецназ, выходя на задание, перед тем как укоротить ремень, что считается у американцев обязательным действием, досылает патрон в патронник своей M16A2 FAMAS и винтовку на предохранитель уже не ставит¹. Я много раз думал, а что будет, если такой спецназовец споткнется и упадет? А если ствол его винтовки наставлен на идущего впереди командира или товарища? Но у американцев свои порядки. И я, в общем-то, не возражаю, чтобы мысли американского спецназовца были всегда заняты тем, как не пристрелить своего ближнего. Как-никак, а они считаются нашими потенциальными противниками. У нас порядки свои, и мы привыкли пользоваться предохранителем.

Два километра мы не прошли, а почти проползли. Заглядывали почти под каждый камень, который чем-либо нам не нравился. Но результата не было. Однако наш комбат всегда слыл человеком упорным и потому решил повторить поиск. И правильно сообразил, что от места, где включилась «глушилка», можно было отматывать два километра как в одну, так и другую сторону. И ничего не говорила в этом случае наша встреча с бандитами выше точки включения «глушилки». Они могли идти к своей базе, но не успели дойти. И потом, когда мы удалились, добрались и донесли убитых своих друзей. Возможный вариант? Вполне. А где они прятались, когда я искал их через тепловизор, можно узнать только после того, как мы их захватим.

Рассуждения старшего по званию, если нет приказа к обсуждению, не обсуждаются. Рота развернулась и тем же порядком двинулась в обратную сторону. Теперь уже дистанция поиска выросла до четырех километров. Но и это не принесло результата. Подполковник Рябухин рассердился. И сразу развернул нас в обратный путь. Еще четыре километра. И только там, наверху, объявил общий привал. Вообще-то мы еще и не устали. Шли медленно, подъем в ущелье не крутой, дистанция не слишком большая, а в общей сложности рота про-

¹ M16A2 FAMAS – американская штурмовая винтовка, снабженная отсекателем очередей, который не позволяет стрелять иначе чем очередями по три патрона. В боевых ситуациях американские военнослужащие согласно своему уставу должны носить винтовку на укороченном ремне, с тем чтобы предельно сократить движение перед прицеливанием. Укорачивание ремня иногда применяется и российскими спецназовцами.

шла всего двадцать два километра. Можно сказать, пустяк. И только я со своими разведчиками мог приплюсовать сюда еще двадцать четыре километра. Но и мы устать не успели. Однако подполковник Рябухин любил подумать на отдыхе. Он так и сидел, чуть отдалившись от роты, на большом камне, ни на кого не смотрел и что-то соображал. И так досидел до времени сеанса связи с антитеррористическим комитетом. Подполковник подозвал к себе радиста, чтобы вести разговор в стороне и чтобы всем его не было слышно. Мы и не слышали. И только завершив разговор и отдав наушники с микрофоном радисту младшему сержанту Максимову, комбат сначала вытащил из планшета карту, какое-то время смотрел в нее, потом сделал знак мне.

– Слушаю, товарищ подполковник, – быстро подбежал я.

– Бери своих разведчиков. Готовься к выходу.

– Тех же самых?

– А чем они тебе не нравятся? Хорошие парни, сообразительные. Или ты не согласен?

– Согласен, товарищ подполковник. Хорошие парни.

– Смотри сюда. – Подполковник Рябухин развернул карту. – Вот это самое село. Туда пойдешь. Мне сейчас передали координаты полицейского осведомителя в селе. Он в курсе наших проблем и готов показать дом человека, который дважды, согласно его данным, бывал на базе Рифатова. Подумай, как с этим человеком поговорить. Может, и не следует говорить, а просто дать через него какую-то «дезу». Ты на месте сориентируйся. Что тебе осведомитель подскажет. Он того человека знает и скажет, стоит ли его напрямую брать «за грудки». Если есть смысл, бери и трясина хоть за ноги, но данные вытряси. Если нет смысла, а среди местных имеются упертые люди, ищи иной путь. Прямым напором можно только все дело испортить. Оставляю решение вопроса за тобой и полагаюсь на твою опытность. Ты сумеешь. Любой ценой надо этого человека «раскрутить». Любой ценой. Все понял?

– Так точно, товарищ подполковник. Приказано умереть, но сведения добыть.

– Я предпочитаю писать в рапорте стандартную формулировку «потерь не понесли».

Но... Сведения добыть...

– Давайте данные на ментовского осведомителя.

– Его зовут Абубакар Дамадаев. Одноногий, пожилой человек. Сильно пьющий. Заплатить ему следует тысячу рублей. Есть у тебя?

– Есть.

– А то и я могу дать. Ладно. Потом рассчитаемся. Тысяча рублей – это стандартная ставка. Так ему всегда менты платят за каждую информацию. Теперь слушай дальше. Живет он в третьем по счету доме от сельсовета. Это не считая самого здания сельсовета. Направление в сторону главной дороги. Запомнил? Сельсовет определить не сложно. Единственный в селе административный корпус. Понял?

– Третий дом от сельсовета в сторону главной дороги.

– Правильно. Теперь – связь. Сверяем часы...

Я приподнял манжет бушлата, обнажая циферблат. Подполковник глянул на мои часы, потом на свои. После этого чуть-чуть подправил стрелку на своих – по моим выровнял.

– Швейцария? – спросил подполковник Рябухин, кивнув на часы.

– На задней внутренней стенке корпуса написано, что сделано в Республике Корея по лицензии швейцарской фирмы. Соответственно, цена на порядок ниже. Это, кстати, на задней стенке не написано. Так в магазине сказали. Качество обещали не хуже оригинальных.

– Понятно. И как с точностью?

– Обещано – «плюс-минус двадцать четыре миллисекунды в год». Пока не подводят. Четвертый год ношу. Даже корректировать не приходилось.

– Не чета моим российско-китайским. Потому и корректирую свои, что не надеюсь. Короче говоря, с двадцати ноль-ноль по твоим часам до двадцати десяти я приказываю

выключить «глушилку». Это для тебя единственная возможность связаться со мной и доложить обстановку. Жду звонка. Номер ты помнишь.

– «Глушилка» до села не достанет?

– Исключено. У нее радиус действия два километра. А до села двадцать пять. Все вопросы утрясены? Есть дополнения?

– Так точно. У старшины роты, я слышал, спирт имеется. Если ментовский «стукач» алкоголик, его, возможно, следует угостить.

Подполковник криво и без радости усмехнулся, полез за пазуху и вытащил небольшую плоскую фляжку из нержавеющей стали.

– Из своих запасов. Правда, не спирт, а коньяк. Но хороший, грузинский марочный «Греми». Это намного лучше армянского и не хуже брендовых французских. Жалко для алкоголика, но старшина оставил свои запасы в палатке. Я приказал. Фляжку вернуть не забудь. Подарок погибшего товарища. Память. Еще вопросы?

– Нет вопросов, товарищ подполковник. – Я убрал фляжку во внутренний карман бушлата, и вытянулся по стойке «смирно»: – Разрешите идти?

– Дуй... Васю с Костей береги. Не подставляй понапрасну, если что случится...

Глава третья

Рядовой Константин Варламов

Новая разведка

Кажется, я зря попытался блеснуть интеллектом перед комбатом. Теперь загоняет. И без злобы, но с улыбочкой, уважительно. Промолчал бы и спал себе спокойно, как другие. А если язык распустил, то отправляйся в новую разведку, стаптывай башмаки, пока служба не кончилась. Чем отличается охламон от Тутанхамона, школьник объяснить, наверное, не сможет. Нынешние школьники вообще с интеллектом не дружат. Сколько ни сталкивался, не уставал их тупости удивляться. Впрочем, с современными школьными программами это естественный процесс. Школьники будут в один голос утверждать, что Тутанхамон – это чья-то собака, а охламон – герой какого-то фильма про собаку. Был вроде бы фильм с таким названием. Но комбат, как-никак, человек с высшим образованием и обязан знать, кто такой Тутанхамон. А охламонами он же, помнится, называл молодых солдат, которые не выдержали первого месяца службы в спецназе ГРУ. Ребята одного со мной призыва. Их тогда отправляли дослуживать в спецназ ВДВ. Там спокойнее. Там при занятиях нагрузок таких, как у нас, не бывает. Хотя ребята, как сначала казалось, серьезные, крепкие, все, как один, спортсмены не ниже первого разряда, представители разных видов единоборств. Я всегда считал, что борцы, например, парни терпеливые. Но, оказывается, они умеют терпеть только тогда, когда им шею ломают. А чтобы ползать несколько километров на спине, другой вид терпения требуется – характер. Требуется умение не обращать внимания на жесткие мозоли, что на лопатках набиваешь.

Умение терпеть требуется и во многом другом. Например, в возможности отвечать за свои действия или слова. Раз я распустил язык, и комбат лишний раз обо мне вспомнил, значит, следует идти в разведку и не роптать даже внутренне, хотя мы сегодня уже ходили в разведку и в два конца оттопали двадцать четыре километра. Сейчас в один конец идти столько же и даже больше. Но если начнешь роптать, значит, будешь себя жалеть, думать о несправедливости, о том, что устал больше других, и станешь в самом деле уставать. А уставать в боевой обстановке никак нельзя.

Я уже давно убедился, еще до армии, еще когда занимался спортом, что усталость – это явление характера и жалкой любви к себе. Перебороть эту усталость просто. Нужно себя не жалеть и жестче к себе относиться. Понимание этого даже в спорте, даже на лыжне, способно творить чудеса. Перестанешь себя жалеть, и нет усталости. И пусть противник, который много титулов и званий имеет, устает, а ты останешься свежим и неизмученным. Это всегда меня выручало в спорте. И в боевой обстановке тоже. Я много слышал про умение терпеть. Но я по себе знаю, что я не терплю, я просто не верю в то, что мне тяжело. Не верю, и все тут. Вот потому усталости не чувствую и полностью на себя рассчитываю.

Что и как чувствует и ощущает Вася Скворечня, я не знаю. Ни разу с ним на эту тему не разговаривали. Его приставили ко мне в качестве наставника с первых дней службы. Я сначала пытался за счет подвешенного языка показать Скворечне свое преимущество. Интеллект никуда не денешь, и я это демонстрировал при каждом удобном случае. Вася терпеливо все сносил, хотя вопросов задавал много. Если я говорил что-то непонятное, он переспрашивал и требовал дотошно объяснить. Но я подробностей и мелких деталей иногда и сам объяснить не мог. Знания мои, как я сам понял, оказались неглубокими. А природа Скворечни требовала деталей. Он любил до всего добираться, чтобы понимать. И мы иногда вместе садились к ротному компьютеру, чтобы уточнить что-то, что я объяснить не мог. Тем не менее Вася звал меня «ходячей энциклопедией». Уважительно. И никогда не замечал, что я

как-то пытаюсь подчеркнуть свое превосходство. А если этого не замечают, зачем это подчеркивать? Это я понял быстро, и тогда уже мы с Васей стали равными. Но только не в боевой подготовке.

Командир взвода у нас деловой, конечно, и знает, что солдатам нужно преподавать. Но все на лету схватить невозможно. За два года службы, как говорили, еще можно было воспитать относительно неплохого спецназовца. За год это сделать чрезвычайно трудно. И именно потому в спецназе ГРУ разработали систему наставников. К каждому молодому солдату прикрепляли старослужащего, желательного солдата-контрактника. И что не было освоено на общих занятиях, мы оттачивали в так называемое «личное время» со Скворечней.

Спустя почти год я только и начал понимать, какого труда и терпения стоила Васе моя, грубо говоря, «доводка». Но упорный и молчаливый сибиряк умел терпеть. В результате у нас получилась слаженная боевая пара. И даже на задания нас старались отправлять вместе, потому что мы уже хорошо чувствовали локоть друг друга. Даже без слов чувствовали...

* * *

Перед выходом в разведку Тицианов дважды смотрел на часы и дважды в карту. Нетрудно было догадаться, что он просчитывал маршрут. Младшего сержанта послал к старшине роты старшему прапорщику Василенко:

– Три тактических фонаря получи. И посмотри, чтобы аккумуляторы были свежие. Попроси, старший прапорщик разведке не откажет. В темноте возвращаться будем...

Тактический фонарь отличается от обычного армейского фонаря тем, что его можно крепить к автомату и освещать цели, по которым стреляешь. Одновременно он же способен работать как лазерный прицел. У старшины роты и каптера, на мой непросвещенный взгляд, самая трудная служба в роте. На каждую операцию они тащат с собой столько барахла на всю роту, что спины у них, наверное, отваливаются. Иногда, правда, и солдат нагружают, но чаще сами справляются. Однажды я поймал измученный взгляд каптера и взялся помочь ему. Потаскал его вместительный рамочный рюкзак с дополнительным баулом, который крепится сверху к раме. И больше на такое не отваживаюсь. Одного раза хватило. Сколько тактических фонарей тащат старшина роты с каптером на эту операцию, я не знал. Но предполагал, что не все эти фонари полагаются на нашу долю. И пусть каждый из них весит меньше двухсот граммов, но когда этих фонарей много, они уже и весят прилично.

Мне уже дважды доводилось пользоваться этими американскими фонарями. Они, кстати, не входят в стандартное оснащение спецназа. Это тоже, как и бинокли с тепловизорами, продукт удачного сохранения трофеев командиром батальона. Маленький светодиодный фонарь «G25» способен в трех цветовых гаммах выбрасывать луч почти на триста метров. При необходимости луч становится ослепляющим, и фонарь работает как фотовспышка. После такой вспышки противник не только не в состоянии тебя увидеть, он не увидит, куда ему следует отскочить или спрятаться. И так на несколько секунд, которых тебе хватит для подготовки выстрела. Но это использование тактического фонаря скорее эксклюзив, чем правило. Сама по себе эта техника во многие моменты способна оказаться незаменимой. Луч можно легко переключить на рассеянный свет и на точечное свечение. Регулировки все цифровые, с помощью кнопки. Включение фонаря производится выносной кнопкой, которую можно закрепить на корпусе автомата там, где до нее легко достанет палец. Значит, не требуется отвлекаться от прицеливания. Просто включил фонарь, за секунду-другую сделал корректировку прицела, и стреляй – тот, в кого целишься, освещен, и он за время корректировки не успеет спрятаться, потому что даже не сразу понимает, что освещен.

Честно говоря, я не знаю, какие тактические фонари используются в американском спецназе. Только в этой командировке мы несколько раз захватывали у бандитов и настволь-

ные американские тактические фонари, причем даже такие, которые крепятся на пистолет, и нашлемные, и которые крепятся даже к козырьку кепки-бейсболки. Но лично мне больше других понравился фонарь «G25», хотя он производится не для нужд армии, а для охотников. И три вида освещения с помощью сменных фильтров – естественный белый, красный и зеленый – могут быть применены даже как условная сигнализация. А зеленый свет для охотников вообще, можно сказать, незаменим. Если белый и красный пугают животное, то зеленого света они совершенно не боятся. Зато охотник видит их хорошо. Есть еще хорошая регулировка для белого света, называемая «лунный свет». Такой подсветкой даже бандита не всегда испугаешь, если он сразу на небо не посмотрит и не поймет, что тонкий серп месяца так светить не может. Удобные, одним словом, фонари. Остается удивляться, почему наша промышленность доверяет выпускать все фонари китайцам, хотя всем известно, что после второго включения китайские фонари начинают светить в обратную сторону, если вообще светят.

Фонари, которые принес от старшины роты Вася, были, к счастью, американскими. Кавказские бандиты тоже знают качество китайских товаров, и потому среди трофеев продукция Поднебесной редко встречается. Лучше всего эти фонари крепятся на «планку Пикатинни»², но, за неимением оной на отечественном оружии, можно было обойтись обыкновенными кронштейнами. Благо, они входили в комплект. Вообще-то кронштейны предназначались для охотничьего оружия, но подходили и к автоматному стволу. Перед выходом мы только сменили носки, поскольку старые от длительной ходьбы в этот день уже могли натирать ноги в новом марше. И далее не задерживаясь двинулись. Никто нас не провожал, никто не желал на прощание удачи. Это потому, что никто не знал, кроме, естественно, комбата, куда и зачем мы отправились...

* * *

Первый участок пути был нами преодолен уже трижды. Дважды во время утренней разведки, потом вместе со всей ротой до места утренней перестрелки. А по знакомому пути всегда легко идти. Хотя и о безопасности мы тоже не забывали и глазели не только под ноги, но и по сторонам. А Тицианов, как опытный офицер спецназа, еще и не забывал время от времени прикладывать к глазам бинокль и просматривать все пространство впереди. Особенно часто стал смотреть, когда мы прошли те четыре километра, которые преодолевали растянутой шеренгой, как правило, от одного поворота ущелья до другого поворота. Именно в такой момент просмотра старший лейтенант и «тормознул» нас, резко выкрикнув команду: – Ложись!

Мы со Сковоречней залегли и сразу лягнули затворами автоматов. Но противника в прицелы не нашли. И ждали дальнейшей команды. А Тицианов только на одно колено встал и так и стоял, не отрывая бинокля от глаз.

– Что там, товарищ старший лейтенант? – спросил Вася Сковоречня.

– Биологическое свечение из-за камня. Слабое. Возможно, там яма. Вход в бункер. И человек рядом с выходом. Подождем...

² «Планка Пикатинни» (другие названия: «MIL-STD-1913», или, по стандарту НАТО, «планка STANAG 2324») – разнообразные виды приспособлений для стрелкового оружия, рельсовая система направляющих, предназначенная для крепления навесного оборудования: тактических фонарей, коллиматорных и оптических прицелов, лазерных целеуказателей, сошек и т. п. В России нашла применение пока только в новом автомате АК-12, еще не принятом на вооружение. Как аналог «планки Пикатинни» можно рассматривать «рельс Вивера» – аналогичное приспособление, отличающееся только глубиной прорези. Все навесное оборудование, устанавливаемое на «рельс Вивера», можно устанавливать и на «планку Пикатинни», но не наоборот.

Мы ждали минут десять. Но так можно было и темноты дожидаться. Тем более в горах она быстро наступает.

– И что? – Васе не терпелось что-то узнать, а Тицианов все десять минут молчал и только наблюдал.

– Без изменений. Возможно, спит кто-то...

– Разрешите, товарищ старший лейтенант, глянуть? Я быстро...

– Гони...

– Покажите – где...

Командир взвода дал Васе бинокль. Тот приложил его к глазам, потом убрал и посмотрел вперед, отыскивая направление уже без прибора. Затем молча вернул бинокль старшему лейтенанту.

Младший сержант Скворечня побежал от одного валуна к другому, умело используя все, что могло скрыть его передвижение. И моментально преодолел две трети дистанции. Хотя я, наблюдая за ним, и не знал, какую дистанцию он преодолевает, поскольку мне Тицианов бинокль не доверил. Дистанцию я определил потом. Вася быстро пополз, извиваясь, как ящерица, и огибая камни, которые по-прежнему служили ему защитой от чьих-либо нескромных взглядов через прицел автомата. Последние же метры Скворечня преодолевал медленно и осторожно. И именно по этим его движениям я и понял, что дистанция заканчивается, и сам приподнял автомат, готовый по приказу старшего лейтенанта бежать к Скворечне, если это понадобится. Сам же младший сержант медленно поднялся в полный рост и выглянул за камень. И видно было, как он расслабился, шагнул вперед, наклонился, что-то рассматривая, потом сделал нам знак рукой, показывая, что мы можем продолжать движение. А сам двинулся наперерез нам.

– Там все в порядке, – сказал Тицианов так, словно я был от рождения слепым. Наверное, он очень удивил бы мою маму таким сообщением. Я же не удивился и просто расслабился, хотел было даже ремень автомата за плечо забросить, но вовремя спохватился, что боевую обстановку на маршруте нам никто не отменял и произойти может всякое.

Старший лейтенант пошел первым. Я двинулся за ним. К точке пересечения путей мы приблизились одновременно со Скворечней.

– Чем полюбовался? – спросил старший лейтенант.

Вася махнул рукой:

– Собака дохлая. Хотел посмотреть, дохлая или убитая, но там разве поймешь? Уже несколько дней, наверное, лежит. Днем тепло, она не на снегу, под солнцем. Разлагаться уже начала. Если и застрелили, то в тот бок стреляли, на который она упала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.